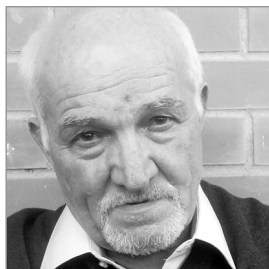

ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ В РАБОТАХ КАРЛА МАРКСА*

Филатов Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор.

Российский государственный гуманитарный университет.

Российская Федерация,
125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6;
e-mail: toptiptop@list.ru

В этом году исполнилось 200 лет со дня рождения Карла Маркса, полтора века прошло со времени выхода первого тома «Капитала». Учение Маркса оказало большое воздействие на развитие социально-политической мысли и ход истории, его наследие и ныне сохраняет актуальность для философии и целого круга конкретных наук. Идеи Маркса многократно пересматривались, подвергались переоценке, критиковались и опровергались, но они сопротивлялись всем попыткам отправить их в интеллектуальное прошлое. Центральное место у Маркса занимает критический анализ капиталистического общества, его истории и перспектив развития. Однако Маркс внес существенный вклад и в теорию познания, в анализ социальной природы сознания и знания. В этом плане его идеи привлекали и продолжают и в наши дни привлекать многих исследователей. В статье рассматриваются оценки Маркса как мыслителя и ученого, его социальный анализ науки и техники, влияние его идей на развитие отечественной психологии.

Ключевые слова: Маркс, философия истории, экономическая наука, теория идеологии, социология знания, история науки и техники, марксизм и психология

PROBLEMS OF COGNITION IN KARL MARX'S WORKS

Vladimir P. Filatov – DSc in Philosophy, professor.

Russian State University for Humanities.

6 Miusskaya Sqr., Moscow,
123993, Russian Federation;
e-mail: toptiptop@list.ru

200 years have passed since the birth of Karl Marx, a century and a half since the publication of the first volume of “Capital”. The theory of Marx had a great impact on the development of socio-political thought and the course of history, his legacy remains relevant today for philosophy and a whole range of specific sciences. Marx’s ideas were repeatedly reviewed, subjected to reassessment, criticized and refuted, but they resisted all attempts to send them to the intellectual past. The central place in Marx’s works is occupied by a critical analysis of capitalist society, its history and prospects for development. However, Marx made a significant contribution to the theory of knowledge, to the analysis of the social nature of consciousness and knowledge. In this regard, his ideas attracted and continue to attract many researchers today. The article considers the assessments of Marx as a thinker and scientist, his social analysis of science and technology, the influence of his ideas on the development of Russian psychology.

Keywords: Marx, philosophy of history, economics, theory of ideology, sociology of knowledge, history of science and technology, Marxism and psychology

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект 18-011-00954.

Маркс как пророк и ученый

У Маркса нет специальных работ, посвященных эпистемологическим и методологическим проблемам. Однако существуют многочисленные фрагменты этого рода и отдельные идеи, которые вплетены в его опубликованные труды и в подготовительные рукописи к ним. Все это связано с его собственным опытом и стилем философской и научной работы. Поэтому стоит охарактеризовать его образ как мыслителя и ученого. Многие интерпретаторы творчества Маркса отмечали, что он был одновременно ученым и пророком, указавшим людям истинный путь их спасения. Этим, по мнению Й. Шумпетера, можно объяснить столь продолжительное и широкое воздействие учения Маркса. «Проповедь одной лишь цели не дала бы эффекта, анализ социального процесса был бы интересен всего лишь для нескольких сотен специалистов. Но проповедь в одежде научного анализа и анализ в интересах достижения выстраданных целей – вот что обеспечило страстную приверженность марксизму, вооружило марксиста высшим преимуществом – убежденностью в том, что он и его доктрина никогда не потерпят поражения и в конце концов обязательно победят» [Шумпетер, 2011, с. 22]. Сходную характеристику можно найти у Р. Арона, хотя он считал Маркса не столько экономистом, сколько социологом: «...как социолог он не отделял постижение настоящего от предвидения будущего и от воли к деятельности. По отношению к социологам, именуемым сегодня объективными, он был, стало быть, пророком и вместе с тем человеком действия и ученым» [Арон, 1993, с. 152]. На пророческий, в квазирелигиозном смысле, характер учения Маркса еще ранее указывал С.Н. Булгаков в известной статье «Карл Маркс как религиозный тип» (1906), считая, что он внушал веру в «социологическое спасение человечества». Пророческая сторона марксизма объясняет и специфику отношений ортодоксальных марксистов к любым попыткам внести изменения в теорию Маркса с целью ее улучшения и устранения противоречий с новыми социально-историческими реалиями. Все это осуждалось как ересь, фальсификация учения, как заслуживающий морального и политического осуждения ревизионизм.

Эта пророческая, по существу, идеологическая сторона учения Маркса была притягательной для многих людей еще и потому, что марксизм предлагал целостную картину социально-исторической реальности. Маркс создал теоретическую систему, которая объясняла экономические, социологические и антропологические стороны буржуазного общества, а также содержала определенную философию истории [Хамидов, 2014]. Не все в этой картине было прописано в деталях, публикация отдельных ее фрагментов растянулась на целый век.

Первый том «Капитала» вышел в 1867 г., Энгельс опубликовал второй в 1885 г. и третий в 1894 г. К. Каутский издал четвертый том («Теории прибавочной стоимости») в 1910 г. «Экономико-философские рукописи» (1844) были опубликованы в 1932 г., переведены на английский в 1959 г. «Немецкая идеология» (1846) впервые полностью опубликована в 1932 г. «Экономические рукописи 1857–59 гг.» вышли на немецком в 1939 г., в русском переводе в 1969 г., в английском в 1973 г. Но по своему замыслу и проекту эта картина была более объемной, чем что-либо, предпринятое до Маркса, да и после него. В своей системе Маркс стремился объяснить одновременно исторический генезис капиталистического общества, способ его функционирования, его социальную структуру, а также показать, почему большинство людей в нем подвержены эксплуатации и отчуждению и почему этот строй обречен в силу собственных механизмов к разрушению. Конечно, такая грандиозная попытка не могла быть удачной во всех отношениях. В XX в., когда социальные науки все более и более специализировались, такого рода универсальные теории постепенно сходили со сцены. Согласно Р. Мертону, обозначившему важное различие между универсальными теориями и теориями среднего уровня, теории первого типа характерны для ранних этапов социальных наук, развивавшихся в атмосфере всеохватывающих философских систем [Мертон, 2006, с. 64–100]. Маркс по своей подготовке был философом, поэтому образ такой системы, прежде всего гегелевской, выступил в качестве предпосылки его проекта.

Однако Маркс был не только пророком и системосоздателем. После переезда в 1849 г. вместе с семьей в Англию он принимается за основательное изучение экономической литературы и уже практически не выступает в качестве философа. Он становится ученым-экономистом, критически встраивается в традицию английской политической экономии и приступает к работе над основным своим произведением – «Капиталом». Науку Маркс ставил очень высоко, он отличал ее от идеологии, считал, что нужно сохранить и развить в политической экономии все лучшее, что идет от Ф. Кенэ, А. Смита и Д. Рикардо, и преодолеть недостатки и заблуждения, обусловленные буржуазной позицией большинства ученых-экономистов того времени. Теоретические достоинства исследований Маркса признают даже его недруги. Непримирымый критик марксизма К. Поппер отмечал: «Он на многое открыл нам глаза и обострил наше зрение. Возвращение к домарксистской общественной науке уже невысказано... Его главные таланты проявились в области теории. Он затратил гигантские усилия для того, чтобы выковать, так сказать, научное оружие для борьбы за улучшение доли громадного большинства людей. Я считаю, что искренность в поиске истины и интеллектуальная честность отличают его от многих его последователей» [Поппер, 1992, с. 98].

Стоит отметить, что образ ученого-экономиста в то время заметно отличался от нынешнего. Экономическая наука была молода, и ее «научное сообщество» отличалось пестротой и не походило на собрание университетских профессоров. «Среди них были философ и сумасшедший, священнослужитель и брокер, революционер и аристократ, эстет, скептик и бродяга. Они принадлежали разным народам, занимали разные общественные положения, обладали непохожими характерами. Некоторые из них были интереснейшими людьми, другие – занудами; одни обладали редким обаянием, а кого-то с трудом можно было выносить. По меньшей мере трое сколотили себе состояние, но еще больше было таких, кто так и не смог овладеть элементарной экономикой собственных расходов» [Хайлбронер, 2008, с. 16]. Маркс, подобно А. Смиуту, Т. Мальтусу, Д. Рикардо и Дж. Ст. Миллю, вполне вписывается в этот круг. Тот факт, что он не примыкал ни к какому сообществу академического типа и долгие годы работы над «Капиталом» провел в одиночестве в библиотеке Британского музея, не противоречит образу ученого того времени.

В своих экономических исследованиях Маркс с немецкой педантичностью обозрел и критически разобрал труды практически всех других экономистов и создал собственный монументальный труд. В «Капитале» на сотнях страниц обсуждаются различные экономические и технические детали, текст переполнен цитатами и обширными сносками. Но Маркс по ряду причин так и не стал классическим представителем политической экономии. Он критиковал экономистов-классиков за то, что они принимали законы капиталистической экономики за универсальные законы. Он же считал, что для каждого экономического строя характерны свои законы. «Проблема исторической специфичности была внятно сформулирована Карлом Марксом и его последователями и являлась предметом исследований немецкой исторической школы в период с 1840-х по 1930-е гг.» [Ходжсон, 2004, с. 90]. Но нельзя понять определенный экономический строй без анализа его социальной структуры. Поэтому Марксу было необходимо совмещать экономические, исторические и социологические исследования, что было нехарактерно для классической английской политической экономии. Современная экономическая наука в определенной мере возвращается к проекту такого синтеза, привлекая социологические, правовые, исторические, психологические теории и данные, а также методы когнитивных наук. Она идет еще дальше, показывая относительность противоположности общественного бытия и общественного сознания, что не понимали вульгарные марксистские экономисты. Экономическая реальность несет в себе неустранимый «хайдеггерианский синдром», в нее встроена высокая степень «истолкованности», слухов, «коллективного бессознательного», идеологических стереотипов,

политических решений, которые могут определять магистральное развитие. Это обстоятельство уточняет и по-новому высвечивает актуальность Марксова замысла.

Теория идеологии и социология знания

В работах Маркса развита теория идеологии и заложены основы того, что позже стало называться социологией знания. Хотя это название было введено в 1920-е гг. М. Шелером, именно Маркс сформулировал центральное положение социологии знания о том, что общественное бытие определяет общественное сознание. В Предисловии к работе «К критике политической экономии» он сжато изложил свою концепцию: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» [Маркс, 1959, с. 6]. Это отношение базиса и надстройки, субструктуры/суперструктуры (Unterbau/Ueberbau) в различных вариантах воспроизводилось в последующих марксистских и немарксистских концепциях идеологии и социологии знания М. Шелером, Д. Лукачем, К. Мангеймом, В. Старком, Ю. Хабермасом и др.

В свое время М.К. Мамардашвили в статье «Анализ сознания в работах Маркса» отмечал, что «...Маркс совершенно особо представлял себе социальные системы: в каждом случае он строил свое исследование так, что уже в исходном пункте имел дело с системами, реализующимися и функционирующими посредством сознания, то есть такими, которые содержат в себе свои же отображения в качестве необходимого элемента... Отсюда оказалось возможным рассматривать сознание как функцию, атрибут социальных систем деятельности, выводя его содержание и формообразования из переплетения и дифференциации связей системы, а не из простого отображения объекта в восприятии субъекта» [Мамардашвили, 1968, с. 17]. Такой подход позволил Марксу, во-первых, различить несколько смыслов понятия «идеология» (исторический идеализм как вера в доминирование идей в истории, продукты идеологов, функциональные идеологии) и, во-вторых, создать оригинальные объяснения товарного фетишизма и иных видов объективных социальных иллюзий.

Некоторые социальные представления, по Марксу, принимают форму непосредственно «ложного сознания» или же мистифицирующих идеологических интерпретаций, которые являются продуктами особого слоя идеологов, который довольно широко трактовался им и включал, например, священников и «буржуазных ученых». Такие представления могут быть охранительными, обладать эффектом отвлечения внимания от фактов бедности, эксплуатации и отчуждения. Причем статус их не узко когнитивный, это могут быть своего рода личностные установки. Но это все же определенные содержания сознания, продукты человеческой мысли. Есть и другой тип социальных иллюзий, которые не являются в этом смысле просто субъективными по своей природе или же продуктами человеческого мышления. По Марксу, сама социальная реальность может представлять в ложных или иллюзорных формах, так что иллюзии могут существовать до всякого размышления и теоретизирования и даже сопротивляться тем, кто хочет развеять их с помощью истинной теории.

Наиболее известным примером таких иллюзий является «товарный фетишизм», рассмотренный Марксом в «Капитале». В капиталистическом обществе господствуют вещные отношения между людьми. Товарный фетишизм возникает тогда, когда общественные отношения между людьми принимают в их глазах фантастическую, иллюзорную форму отношений между вещами. Маркс разъясняет это с помощью аналогии с религиозным миром. «Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства» [Маркс, 1960, с. 82]. Товары суть объекты, произведенные для продажи и обмена. В обществе, основанном на развитой рыночной экономике, социальные отношения между взаимосвязанными агентами производства предстают как функции отношений обмена их продуктов. Самим этим агентам капиталистического производства «общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют собой на самом деле, т. е. не как непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив, вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей» [там же, с. 83].

Это иллюзия, поскольку товары не обладают силой регулировать социальные отношения между людьми благодаря их природным или же полезным свойствам, но только благодаря их социальному характеру как товаров, как вещей, произведенных для обмена. В феодальном обществе, как отмечает Маркс, продукты труда не обладают

подобной силой, несмотря на их полезность, социальные отношения здесь непосредственно предстают как отношения личной зависимости и подчинения, а не как следствие отношений между вещами. В будущем обществе товарный фетишизм и другие объективные социальные иллюзии также исчезнут. «Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем» [Маркс, 1960, с. 90]. До этого товарный фетишизм и другие превращенные формы суть «общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства – товарного производства» [там же, с. 86]. До этих пор товарный фетишизм неустраним, у товаров есть как бы социо-природные качества.

Эта объективность иллюзии обусловлена не тем, что люди придерживаются ложной экономической или социальной теории. Более того, даже попытки воспринять существо дел в их истинном виде с помощью адекватной теории не может разрушить эти объективные иллюзии. По Марксу, социальный мир, как и мир физический, может порождать видимости, сходные с оптическими иллюзиями. Он сравнивает иллюзии, включенные в товарный фетишизм и в восприятие денег, с видимостью того, что Солнце вращается вокруг Земли. Даже если мы знаем теорию Коперника, это не разрушает эту иллюзию. Разница в том, что объективные физические иллюзии зависят только от конституции физического мира и наших органов чувств, тогда как социальные иллюзии зависят от исторически складывающихся структур общества. Согласно Марксу, желательно и возможно для людей создать общество, в котором их отношения станут прозрачными, непосредственно воспринимаемыми как они есть и очищенными от объективных социальных иллюзий.

Критика товарного фетишизма не только не утратила актуальности, но даже открывает новый путь понимания некоторых современных теорий в рамках исследований науки и техники. Так, метафизика вещей Б. Латура, декларирующая некий новый «объективизм фактов» [Латур, 2013], обнаруживает наивное доверие к реальности рыночной экономики, в рамках которой знание оказывается товаром, но скрывается под личиной реальности. Методология Марксовой критики позволяет понять, что объекты современной науки и техники являются особым типом социально сконструированной реальности.

Маркс как историк науки и техники

Одним из главных достижений Маркса является разработка материалистического понимания истории. Основные положения этой концепции в достаточно целостном виде намечены уже в «Немецкой идеологии», а в классической формулировке изложены Марксом в Предисловии к работе «К критике политической экономии». Споры вокруг этой концепции еще не утихли [Cohen, 1978; Мегилл, 2011, гл. 4], что говорит о ее сохраняющейся актуальности. В «Немецкой идеологии», написанной Марксом совместно с Энгельсом, есть фраза: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории» [Маркс, 1955, с. 16]. Этот тезис можно по-разному интерпретировать, но эта фраза имеет продолжение, о котором нередко забывают: «Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга». Это означает, что универсальный историзм был органично присущ родоначальникам марксизма. Помимо общей философии истории, точнее, на ее основе, Маркс разработал ряд более конкретных исторических сюжетов, в том числе тех, которые относятся к истории науки и техники.

Как историк науки, Маркс предстает прежде всего как автор «Теорий прибавочной стоимости», написанных в 1861–63 гг. и опубликованных в 1905–10 гг. Это незаконченное произведение, в котором он проделал большую работу по описанию и анализу эволюции предшествующих теорий стоимости и капитала. Наряду с описанием Маркс стремился выявить логику развития экономической мысли на основе принципа единства исторического и логического. Другой руководящей идеей для него была обусловленность экономического знания стадиями развития капиталистического способа производства: полуфеодального у физиократов, мануфактурного у А. Смита и индустриального у Д. Рикардо и Дж. Ст. Милля и их последователей. Такая рациональная и социальная реконструкция развития экономической мысли соотносится и с концепцией прибавочной стоимости, представленной в «Капитале». Маркс рассматривал эту работу как повторение теоретических разделов «Капитала» в «исторической форме» и даже думал включить исторические фрагменты в теоретические главы «Капитала».

Около половины «Теорий» посвящено центральным для Маркса фигурам Кенэ, Смита и Рикардо, заключительные разделы отведены критике последователей Рикардо, у которых произошел переход от научной политической экономии к ее «вульгарным» вариантам. «Вульгарные экономисты – их надо строго отличать от экономистов-

исследователей, являвшихся предметом нашей критики, – фактически переводят [на язык политической экономии] представления, мотивы и т. д. находящихся в плену у капиталистического производства носителей его, представления и мотивы, в которых капиталистическое производство отражается лишь в своей поверхностной видимости» [Маркс, 1962, с. 471]. Любопытно, что увлеченность Маркса идеей социальной детерминации экономического знания приводит его к выводу о том, что политическая экономия как наука находится в упадке и, более того, заканчивает свое существование. «Самой последней формой является профессорская форма, которая берется за дело “исторически” и с мудрой умеренностью отыскивает везде “наилучшее”, причем для нее не важно, если в результате получаются противоречия, а важна только полнота отобранного. Это – выхолащивание всех систем, у которых повсюду обламывают их острые углы и которые мирно уживаются друг с другом в общей тетради для выписок. Пыл апологетики умеряется здесь ученостью, которая благосклонно взирает сверху вниз на преувеличения экономических мыслителей и лишь в качестве курьезов включает их в свою убогую размазню. Так как подобного рода труды появляются лишь тогда, когда политическая экономия как наука уже завершила свой путь, то они являются вместе с тем могилой этой науки» [там же, с. 528]. Этот тезис о конце политической экономии как науки Маркс повторяет и в Послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала». Здесь он объясняет, почему «научная» буржуазная политическая экономия пришла к своему концу в 1830-е гг.: «она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях» [Маркс, 1960, с. 14]. Обострение классовой борьбы, по Марксу, не позволяет сохранять объективность и превращает экономическую науку в идеологию. Здесь, если смотреть с точки зрения Т. Куна, налицо противоречие у Маркса: бесконфликтная описательная профессорская ученость (нормальная наука) и обострение идеологической борьбы (признание аномалии всерьез, канун смены парадигм) не стыкуются друг с другом как признаки кризиса экономической науки.

Этот тезис и с кумулятивистских позиций выглядит странно, если историю любой достаточно значимой науки описывать как прогресс познания. Так, например, известный историк экономической науки М. Блауг приводит конкретные факты для возражения Марксу: «Однако по сути дела десятилетие 1830-х гг. представляет кульминационный пункт в развитии классической экономической теории, если иметь в виду остроту дебатов и зарождение новых идей; среди выдающихся работ этого десятилетия можно назвать “Лекции о природе ценности” (1833) Лойда, и “Лекции” (1834) Лонгфилда, на которые Маркс нигде не ссылается, а также “Принципы” Скропа (1833),

“Очерк о распределении богатства” Джонса (1831) и “Принципы” Сениора (1836)» [Блауг, 1994, с. 249]. В более общем плане «Теории прибавочной стоимости» Маркса можно сравнить с «Историей экономического анализа» – незавершенным трехтомным трудом известного экономиста Й. Шумпетера. Как и Маркс, он также стремится выявить логику развития экономической науки, при этом его основная методологическая идея – разграничение экономического анализа и присущего тем или иным ученым-экономистам общего «видения» проблем, которое носит ценностный, идеологический характер. С его точки зрения, такое «видение» является преходящей, поверхностной оболочкой достижений в области экономического анализа, которые аккумулируются и составляют ядро экономической науки, все более отделяя ее от синкретической «экономической мысли».

Если социально-экономическое знание у Маркса непосредственно связывается с идеологией, то развитие естественных наук и техники он трактовал существенно иначе. Естествознание он относил к «свободному духовному производству» и постоянно подчеркивал огромную роль технических достижений в генезисе и развитии буржуазного общества и в формировании социальных основ новоевропейской науки. И в «Капитале», и особенно в подготовительных рукописях к нему, содержится достаточно целостная концепция этих процессов. «Порох, компас, книгопечатание – три великих изобретения, предворяющих буржуазное общество. Порох взрывает на воздух рыцарство, компас открывает мировой рынок и основывает колонии, а книгопечатание становится орудием протестантизма и вообще средством возрождения науки, самым мощным рычагом для создания необходимых предпосылок духовного развития» [Маркс, 1973, с. 418]. В сближении теории и технического мастерства в XVI–XVII вв. Маркс видел одну из решающих предпосылок формирования активного конструктивно-технологического типа познания, резко отличающегося от созерцательного стиля античного и средневекового мышления. Механистическое мировоззрение, в котором одной из важнейших моделей-метафор выступал гигантский часовой механизм, ясно указывал на его связь с технической практикой: «Часы порождены художественно-ремесленным производством вместе с ученостью, ознаменовавшей собой зарю буржуазного общества. Они дают идею автомата и автоматического движения, применяемого в производстве. Рука об руку с их историей идет история теории равномерного движения» [там же]. В более общем плане Маркс указывал на становление социокультурного контекста, в котором «природа» и рукотворная «техническая природа» объединялись в единую среду, в которой развитие техники «впервые создает для естественных наук материальные средства исследования, наблюдения, экспериментирования» [там же, с. 556].

Актуализации этих идей Маркса в значительной степени способствовал известный доклад советского историка науки Б. Гессена «Социально-экономические корни механики Ньютона», сделанный им в 1931 г. на II Международном конгрессе по истории науки в Лондоне [Гессен, 1933]. В нем Гессен обосновал ряд идей, относящихся к техническим и экономическим предпосылкам новоевропейской науки. В ранний период ее развитие направлялось экономическими интересами в технологиях, которые способна была создать наука. Механика как базисная научная дисциплина того времени развивалась в союзе с техникой, которая во многом задавала тематику и модели для научных исследований. Как известно, марксистский подход Гессена вызвал широкий резонанс и стал одной из основ важнейшего направления истории науки – экстернализма. Такие известные историки и философы науки, как Дж. Бернал, Дж. Нидэм, Р. Мертон, Ст. Тулмин, Дж. Равец и многие другие, отмечали значимость доклада Гессена для развития экстерналистских и марксистских исследований науки.

Проблематике связи науки, технологии и экономики посвящается ныне множество исследований [Горохов, 2012]. Сейчас выработаны более утонченные интерпретации взаимосвязи науки и техники, которые соединяют экстерналистские и интерналистские идеи. Конечно, Галилей, Декарт, Ньютон и другие творцы новоевропейской науки непосредственно не были инженерами, и их теории существенно отличались от технологических рецептов, в которых оформлялось умение ремесленников и техников того времени. Однако их постоянный интерес к технической практике, использование в теоретических построениях механических схем и моделей были кардинальными условиями возникновения новой формы познания природы – математизированного естествознания, опирающегося на точный эксперимент.

Марксизм и психологическая наука

Работы Маркса не оказали поначалу заметного влияния на развитие европейской и американской психологии, хотя он, как отмечалось выше, уделял сознанию существенную роль в своей теории. Отделение психологии от философии и ее становление как конкретной науки во второй половине XIX шло в рамках естественнонаучных и экспериментальных установок: физик Г. Фехнер и анатом Э. Вебер ставили задачу открыть строгие законы психофизики, физик Г. Гельмгольц занимался «данными ощущений» и разработал теорию зрительного восприятия, физиолог В. Вундт основал в Лейпциге в 1879 г. первую в мире психологическую лабораторию, из которой началось распространение экспериментальных психологических исследований

в США, Францию, Россию и другие страны [Бен-Дэвид, Коллинз, 2002]. Подход же Маркса к сознанию был социально-философским, что не соответствовало позициям основателей и сторонников экспериментальной психологии.

Также и в русской философии и психологии предсоветского периода не было каких-либо следов влияния марксизма в этом плане, хотя о проблемах сознания на рубеже XIX–XX вв. выходило немало работ. В публикациях С. Трубецкого, А. Введенского, Л. Лопатина, Н. Грота, Н. Лосского, С. Франка по проблемам сознания мы не встретим упоминаний о Марксе. Не интересовался марксизмом и Г. Челпанов, у которого в «психологических семинариях» в Киеве и в Москве обучались многие психологи и который в 1912 г. основал при Московском университете Психологический институт по вундтовскому образцу. Стоит отметить, что и будущие лидеры советской психологии были далеки от марксизма. П.П. Блонский занимался неоплатонизмом, Д.Н. Узнадзе учился в Лейпциге и защитил там диссертацию о Вл. Соловьеве, С.Л. Рубинштейн также изучал философию в Германии у Когена и Наторпа. Л.С. Выготский в студенческие годы занимался литературоведением и философией под руководством Ю.А. Айхенвальда и Г.Г. Шпета.

Ситуация круто изменилась в 1920-е гг., когда была выдвинута задача преобразования психологии и других наук о человеке на основе марксизма. Эти процессы хорошо описаны и в нашей, и в зарубежной литературе [Ярошевский, 1994; Грэхэм, 1991; Joravsky, 1989]. Первые попытки совместить марксизм и психологию были весьма грубыми. Так, на Первом всероссийском психоневрологическом съезде в 1923 г. К.Н. Корнилов в докладе «Современная психология и марксизм» подверг критике эмпирическую психологию за разграничение психического и материального и выдвинул основной тезис: «Марксизм в корне порывает с этим дуализмом духа и материи, сводя духовное, психическое к материальному» [Корнилов, 1923, с. 42]. Реально же он подверстывал свою реактологию под марксистскую психологию с помощью цитат из классиков марксизма и поверхностных рассуждений о диалектике материального и психического. Тем не менее это помогло ему сместить Челпанова с поста директора Психологического института и открыло дорогу широким дискуссиям о перестройке психологии на основе марксизма.

Уже в 1925 г. в этих дискуссиях участвовали более молодые и талантливые Л.С. Выготский и А.Р. Лурия [Корнилов, 1925], позже к ним присоединились А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн. Они принимали марксизм всерьез и были более искушены в философии, что позволило им все более утонченным образом использовать методологические идеи Маркса в психологической теории. Бесспорным лидером в этом отношении был Л.С. Выготский, который разработал програм-

му культурно-исторической психологии, во многом предопределившую дальнейшее развитие психологической науки в стране. А.Р. Лурия так разъясняет ядро этой программы: «Основное положение Выготского звучит парадоксально. Оно заключается в следующем: для того, чтобы объяснить сложнейшие формы сознательной жизни человека, необходимо выйти за пределы организма, искать источники этой сознательной деятельности и «категориального» поведения не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни, и в первую очередь во внешних условиях общественной жизни, в социально-исторических формах существования человека» [Лурия, 1998, с. 22]. Ответвлением этой программы стали варианты психологической теории деятельности, которые разрабатывали А.Н. Леонтьев и С.Л. Рубинштейн. У них основой анализа высших психических функций выступали не знаки и значение, как в культурно-исторической психологии, а предметное, орудийное действие.

Заложенная в работах Л.С. Выготского программа, как известно, стала основной для последующих работ целого круга известных психологов и философов, методологов: А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина, П.Я. Гальперина, В.П. Зинченко, В.В. Давыдова, Г.П. Щедровицкого, Э.В. Ильенкова, Ф.Т. Михайлова, В.А. Лекторского и др. В 1960–1970 гг. вышли английские переводы работ Выготского и Лурии. В рецензии на работу Выготского “Mind in Society” (1978) известный философ науки Ст. Тулмин назвал ее автора «Моцартом в психологии» [Тулмин, 1981]. В западной психологии идеи культурно-исторической теории приобрели широкую известность благодаря работам Дж. Брунера [Брунер, 1977], М. Коула [Cole, 1996], Р. Харре [Harré, 2002], Д. Бэкхёрста [Бэкхёрст, 2014], М. Томаселло [Томаселло, 2011] и др. В связи с бурным развитием когнитивной науки они сохраняют свою актуальность и в наши дни и даже претерпевают своеобразный ренессанс [Фаликман, 2017].

* * *

В учении Маркса и в последующем развитии марксизма в значительной степени переплетены политическое мировоззрение и особая методология познания социальных явлений. Для последней характерны исследование социальной реальности в ее системности и диалектически противоречивой динамике, установка на материалистический анализ, выявление экономических условий в понимании социальной эволюции. Эта теоретическая и методологическая сторона марксизма оказала большое воздействие на развитие многих интересных концепций и подходов в социальных и гуманитарных науках. Примером этому может служить отмеченная выше концеп-

ция Л.С. Выготского, который отдавал приоритет именно методологии: «...можно искать у учителей марксизма не решение вопроса, даже не рабочую гипотезу (потому что они создаются на почве данной науки), а метод ее построения. Я не хочу узнать на дармовщинку, скроив пару цитат, что такое психика, я хочу научиться на всем методе Маркса, как строят науку, как подойти к исследованию психики... Не случайные высказывания нужны, а метод» [Выготский, 1982, с. 421].

Что касается пророческой части марксизма, его политического мировоззрения, то ее скорее можно охарактеризовать как идеологию. Хотя сам Маркс положил начало критическому анализу идеологии как ложной формы сознания, по исторической иронии марксизм, особенно в форме марксизма-ленинизма советского образца, стал воплощением идеологии по преимуществу. В этом своем качестве, как это хорошо известно, марксистская идеология дала ход многим деструктивным процессам в отечественной науке – от генетики до всех социально-гуманитарных дисциплин. Эта страница тоже не может быть вычеркнута из долгой и сложной картины развития марксизма.

Список литературы

- Арон, 1994 – *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1992. 608 с.
- Бен-Дэвид, Коллинз, 2002 – *Бен-Дэвид Дж., Коллинз Р.* Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии // *Логос.* 2002. № 5–6 (35). С. 79–103.
- Блауг, 1994 – *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. 720 с.
- Брунер, 1997 – *Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
- Бэкхёрст, 2014 – *Бэкхёрст Д.* Формирование разума. М.: Канон+, 2014. 368 с.
- Выготский, 1982 – *Выготский Л.С.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
- Гессен, 1993 – *Гессен Б.М.* Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л.: Гостехиздат, 1933. 78 с.
- Горохов, 2012 – *Горохов В.Г.* Технология и наука // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2012. Т. 34. № 4. С. 5–17.
- Грэхэм, 1991 – *Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
- Корнилов, 1923 – *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 41–50.
- Корнилов, 1925 – Психология и марксизм / Под ред. К.Н. Корнилова. Л.; М.: Гиз, 1925. 246 с.

- Латур, 2013 – *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2013. 414 с.
- Лурия, 1998 – *Лурия А.Р.* Язык и сознание. 2-е изд. М.: МГУ, 1998. 336 с.
- Мамардашвили, 1968 – *Мамардашвили М.К.* Анализ сознания в работах Маркса // *Вопр. философии.* 1968. № 6. С. 14–25.
- Маркс, 1955 – *Маркс К.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 7–554.
- Маркс, 1959 – *Маркс К.* К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. С. 1–167.
- Маркс, 1960 – *Маркс К.* Капитал. Кн. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 23. М.: Политиздат, 1960. 900 с.
- Маркс, 1973 – *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861–1863 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 47. М.: Политиздат, 1973. С. 3–612.
- Маркс, 1962 – *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 26. Ч. 3. М.: Политиздат, 1962. 469 с.
- Мегилл, 2011 – *Мегилл А.* Карл Маркс: бремя разума. М.: Канон+, 2011. 336 с.
- Мертон, 2006 – *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
- Поппер, 1992 – *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М.: Феникс, 1992. 528 с.
- Томаселло, 2011 – *Томаселло М.* Истоки человеческого общения. М.: Яз. славян. культур, 2011. 323 с.
- Тулмин, 1981 – *Тулмин С.* Моцарт в психологии // *Вопр. философии.* 1981. № 10. С. 127–137.
- Фаликман, 2017 – *Фаликман М.В.* Новая волна Выготского в когнитивной науке: разум как незавершенный проект // *Психологические исследования.* 2017. № 10(54). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.04.2018).
- Хайлбронер, 2008 – *Хайлбронер Р.Л.* Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. М.: КоЛибри, 2008. 432 с.
- Хамидов, 2014 – *Хамидов А.А.* Философия истории Карла Маркса. Алматы: ИФПР, 2014. 500 с.
- Ходжсон, 2004 – *Ходжсон Дж.* Достаточно ли универсальных экономических принципов? // *Неприкосновенный запас.* 2004. № 3(35). С. 87–95.
- Шумпетер, 2011 – *Шумпетер Й.* Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М.: Ин-т Гайдара, 2011. 632 с.
- Ярошевский, 1994 – *Ярошевский М.Г.* Марксизм в советской психологии // *Репрессированная наука.* Вып. 2. СПб.: Наука, 1994. С. 24–44.
- Cohen, 1978 – *Cohen G.A.* Karl Marx's Theory of History: A Defense. Princeton: Princeton Univ. Press, 1978. 369 p.
- Cole, 1996 – *Cole M.* Cultural Psychology. A Once And Future Discipline. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1996. 420 p.
- Harré, 2002 – *Harré R.* Cognitive science: a philosophical introduction. L.: SAGE, 2002. 314 p.
- Joravsky, 1989 – *Joravsky D.* Russian Psychology: A critical history. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 583 p.

References

- Aron, R. *Etapy razvitiya sotsiologicheskoy mysli* [Main Currents in Sociological Thought]. Moscow: Progress, 1992. 608 pp. (In Russian)
- Bakhurst, D. *Formirovanie razuma* [The Formation of Reason]. Moscow: Kanon+, 2014. 368 pp. (In Russian)
- Ben-David, J., Collins, R. Sotsial'nye faktory pri vzniknovenii novoy nauki: sluchay psikhologii [Social Factors in the Origins of New Science: Case of Psychology], *Logos*, 2002, no. 5–6 (35), pp. 79–103. (In Russian)
- Blaug, M. *Ekonomicheskaya mysl' v retrospective* [Economic Thought in Retrospective]. Moscow: Delo, 1994. 720 pp. (In Russian)
- Bruner, J. *Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoy informatsii* [Beyond the Information Given: Studies in the Psychology of Knowing]. Moscow: Progress, 1977. 413 pp. (In Russian)
- Cohen, G. A. *Karl Marx's Theory of History: A Defense*. Princeton: Princeton University Press, 1978. 369 pp.
- Cole, M. *Cultural Psychology. A Once And Future Discipline*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 420 pp.
- Falikman, M. V. “Novaya volna Vygotskogo v kognitivnoy nauke: razum kak nezavershenny proekt” [New Vygotskian Wave in Cognitive Science: The Mind as an Unfinished Project], *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2017, vol. 10, no. 54. [<http://psystudy.ru>, accessed on 15.04.2018].
- Gorokhov, V. G. “Tekhnologiya i nauka” [Technology and Science], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2012, vol. 34, no. 4, pp. 5–17. (In Russian)
- Graham, L. R. *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze* [Science, Philosophy and Human Behavior in the Soviet Union]. Moscow: Politizdat, 1991. 480 pp. (In Russian)
- Harré, R. *Cognitive Science: A Philosophical Introduction*. London: SAGE, 2002. 314 pp.
- Heilbronner, R. L. *Filosofy ot mira sego. Velikie ekonomicheskie mysliteli: ikh zhizn', epokha i idei* [The Worldly Philosophers. The Lives, Times And Ideas Of The Great Economic Thinkers]. Moscow: KoLibri, 2008. 432 pp. (In Russian)
- Hessen, B. M. *Sotsial'no-ekonomicheskie korni mekhaniki N'yutona* [Socio-economical roots of the Netwon's mechanics]. Moscow; Leningrad: Gos. tekhniko-teoreticheskoe izd-vo, 1933. 78 pp. (In Russian)
- Hodgson, G. “Dostatochno li universal'nykh ekonomicheskikh printsipov?” [Are the Universal Economic Principles Sufficient?], *Neprikosnovenny zapas*, 2004, vol. 35, no. 3, pp. 87–95. (In Russian)
- Joravsky, D. *Russian Psychology: A Critical History*. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 583 pp.
- Khamidov, A. A. *Filosofiya istorii Karla Marksa*. Almaty: IFPR, 2014. 500 pp. (In Russian)
- Kornilov, K. N. (ed.). *Psikhologiya i marksizm* [Psychology and Marxism]. Leningrad; Moscow: Giz, 1925. 246 pp. (In Russian)
- Kornilov, K. N. “Sovremennaya psikhologiya i marksizm” [Modern Psychology and Marxism], *Pod znamenem marksizma*, 1923, no. 1, pp. 41–50. (In Russian).

- Latour, B. *Nauka v dejstvii* [Science in Action]. Saint Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta, 2013. 414 pp. (In Russian)
- Luriya, A. R. *Yazyk i soznanie* [Language and Mind], 2nd ed. Moscow: MGU, 1998. 336 pp. (In Russian)
- Mamardashvili, M. K. “Analiz soznaniya v rabotah Marksa” [Analysis of Mind in Marx’s Works], *Voprosy filosofii*, 1968, no. 6, pp. 14–25. (In Russian)
- Marx, K. “‘Ekonomicheskaya rukopis’ 1961–1963 gg.” [Ökonomische Schriften 1861–1863], in: Marx, K., Engels, F. *Sochineniya* [Works. 2nd ed.], vol. 47. Moscow: Politizdat, 1973, pp. 3–612. (In Russian)
- Marx, K. “K kritike politicheskoy ekonomii” [Zur Kritik der politischen Ökonomie], in: Marx, K., Engels, F. *Sochineniya* [Works. 2nd ed.], vol. 13. Moscow: Politizdat, 1959, pp. 1–167. (In Russian)
- Marx, K. “Kapital” [Das Kapital], in: Marx, K., Engels, F. *Sochineniya* [Works. 2nd ed.], vol. 23. Moscow: Politizdat, 1960. 900 pp. (In Russian)
- Marx, K. “Nemetskaya ideologiya” [Die Deutsche Ideologie], in: Marx, K., Engels, F. *Sochineniya* [Works. 2nd ed.], vol. 3. Moscow: Politizdat, 1955, pp. 7–554. (In Russian)
- Marx, K. “Teorii pribavochnoy stoimosti” [Die Mehrwerttheorien], in: Marx, K., Engels, F. *Sochineniya* [Works. 2nd ed.], vol. 26, part 3. Moscow: Politizdat, 1962. 469 pp. (In Russian)
- Megill, A. *Karl Marks: bremya razuma* [The Burden of Reason]. Moscow: Kanon+, 2011. 336 pp. (In Russian)
- Merton, R. K. *Sotsial’naya teoriya i sotsial’naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST: Khranitel’, 2006. 837 pp. (In Russian)
- Popper, K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [Open Society and Its Enemies], vol. 2. Moscow: Feniks, 1992. 528 pp. (In Russian)
- Schumpeter, J. *Desyat’ velikikh ekonomistov ot Marksa do Keynosa* [Ten Great Economists: From Marx To Keynes]. Moscow: Institut Gaidara, 2011. 632 pp. (In Russian)
- Tomasello, M. *Istoki chelovecheskogo obshcheniya* [Origins of Human Communication]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul’tur, 2011. 323 pp. (In Russian)
- Toulmin, S. “Motsart v psikhologii” [Mozart in Psychology], *Voprosy filosofii*, 1981, no. 10, pp. 127–137. (In Russian)
- Vygotskiy, L. S. *Sobranie sochineniy v 6 tomakh* [Collected works in 6 vols.], vol. 1. Moscow: Pedagogika, 1982. 488 pp. (In Russian)
- Yaroshevski, M. G. “Marksizm v sovetskoy psikhologii” [Marxism In Soviet Psychology], *Repressirovannaya nauka*, vol. 2. Saint Petersburg: Nauka, 1994, pp. 24–44. (In Russian)